

ДОБРОЛЮБОВ М. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ДОБРОЛЮБОВ Михаил Васильевич, родился в 1883. С малых лет остался сиротой, скитался по стране без определенного места жительства и занятий. В 1927 — заключил фиктивный брак, проживал с женой и ее дочерью в Ленинградской области, работал на предприятии. 29 января 1933 — арестован по групповому делу, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь; был в лагере ударником. В 1937 — досрочно освобожден из лагеря с ограничением проживания на 3 года (-12); поселился на станции Малая Вишера Ленинградской области, работал на железной дороге. В апреле 1938 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<10 апреля 1938>

«Почему я Вам пишу?»

Вы, кажется, единственный человек во всей нашей стране, который объявил себя ходатаем и по оказанию помощи бывшим политзаключенным, врагам или вернее "мнимым врагам", т<ак> к<ак> они не все враги. Если Вы искренны в Вашем деле, то я с глубоким уважением преклоняюсь перед Вами, как единственным достойным и великим человеком в нашей стране, и ставлю вас выше всех этих сверх прославленных героев? Вы единственный герой! Вы второй доктор Гааз. Не тот герой, кто города, царства, народы покоряет и полюса открывает, но тот есть величайший герой, кто себя побеждает и не идет слепо за толпой.

Я никому не враг, но меня заклеили врагом за то, что я не захотел людям делать зло, отказался быть предателем и слепым орудием в чужих руках, я не пошел на компромиссы и отказался от предлагаемой мне свободы, за что я и получил 5 лет заключения. Вина моя заключалась в том, что я дал хлеба одному голодающему бывшему человеку, который был так стар и дряхл, что во время заключения своего и умер от старости. Но у меня нет врагов. Моя цель в жизни — это помогать всем, по силе возможности без всякого различия; только в этом есть счастье.

После отбытия своего наказания, я несу еще более худшее наказание, это моральное. В лагерях нам говорили: вы временно лишены свободы, но кончится ваш срок, и вы снова возвратитесь к вашим семьям.

С нетерпением мы ждали этого срока и добросовестно работали ударниками; отчего я окончательно потерял свое слабое здоровье. Вот кончился срок, уже второй год как я на свободе, "свободный гражданин", а поехать к своему семейству не имею права, "был под судом". Нет никакой надежды и срока... Весело светит весеннее солнце и ласкает взгляд; но оно ничуть не может осветить, приласкать и порадовать мое сердце — противно стало солнце и противна стала жизнь.

Мне уже 55 лет. С малых лет я остался без родителей. Всю жизнь скитался, прожил один, не имея ничего и никого, ни родных и ни друзей. Когда хлеб стоил 1½ коп<еек> фунт, я несколько раз почти умирал с голоду. Без боли и слез я не могу вспомнить свою жизнь и всячески стараюсь не вспоминать ее, т<ак> к<ак> она слишком тяжела.

Женился я на 44 году неожиданно для себя, т<ак> к<ак> не думал уже жениться и не имел права, имел очень слабое здоровье и не имея ничего кроме <того>, в чем был одет.

Однажды встретил одну девицу, не красивую, но с очень печальными и страдальческими глазами, не знал ее; я написал ей письмо с предложением: не могу ли я ей чем-либо помочь, хотя у меня нет ничего, но не может ли ей помочь другая фамилия, то я готов вступить с ней в

брак, хотя я не собираюсь жениться. Сперва я получил отказ, и только через два года она была вынуждена принять мое предложение, хотя и не любила меня, а любила, тесть мой и не мой ребенок, очень похожий на меня и с моим тихим характером, когда ее обидят, она уйдет и тихо плачет одна, также живет без отца и почти без матери, девочке 6 лет.

Жена служит и работает часто вечерами, приходит домой поздно, а дома остается и живет только одна ее больная мать-старушка, неспособная ни к какому труду. Там бы я мог быть им полезным, помочь по хозяйству, а теперь опять вынужден скитаться один, в нужде и больной. Если бы был один, то с каким бы удовольствием покончил я свою жизнь, но оставить здесь свое еще чистое невинное дитя я не могу, я его также должен взять с собой туда, где нет слез и страдания. Жена по своему ребенку также будет страдать, не хочу и ей страданье давать, оставлять. И ее должен взять с собой. И сказать счастливым людям: прощайте! Живите счастливо.

Если Вы можете помочь, чтобы с меня сняли это каиново клеймо "судимость", то сделайте что можете, а если нет, то прошу извинить меня за беспокойство.

В 1933 году 29/1 я был арестован и заочно осужден Ленинградской Тройкой ОГПУ по ст<атьям> 58-10,11 на 5 лет.

Мой адрес:

Ст<анция> М<алая> Вишера, Октябрьской ж<елезной> д<ороги> Ленинградской обл<асти>, Успенская ул<ица>, д<ом> № 2. Добролюбову Михаилу Васильевичу»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой: «Пусть подаст заявл<ение> о снятии судимости в "О<тдел> Ч<астных> А<мнистий>" Верх<овного> Совета. Копию нам».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1686. С. 110-111. Автограф.